

«ОСТРОВ САХАЛИН» В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ А. П. ЧЕХОВА

© 2019 В. В. Савченко

Воронежский институт высоких технологий (Воронеж, Россия)

В статье анализируется уникальное произведение А. П. Чехова «Остров Сахалин»: цель и причины поездки писателя на Сахалин, проблематика, идейно-композиционное своеобразие и художественные особенности. Обращается внимание на особый Чеховский гуманизм, лежащий в основе его творчества, и роль, которую сыграла книга в судьбе писателя и общества.

Ключевые слова: остров Сахалин, путешествие, каторга, ссылка, тюрьма, Чеховский гуманизм.

В апреле 1890 года А. П. Чехов принял поездку на каторжный остров. Этот факт в биографии писателя не мог не привлечь внимания общественности. До сих пор вызывает удивление то обстоятельство, что уже известный писатель отправляется в опасный, полный лишений и риска путь.

Тогда мнения разделились. Большинство не понимало цели и смысла его путешествия. Известный беллетрист Н. М. Ежов, хорошо знавший А. П. Чехова, просто полагал, что, возможно, тот отправлялся на Сахалин «за сюжетами». Писатель и публицист В. П. Буренин прокомментировал этот факт в стихотворной форме и достаточно едко: «... но не найдя там вдохновенья, свое ускорил возвращенье. Простая басня сей мораль: для вдохновенья не нужно ездить вдаль». Даже А. С. Суворин, который лучше других знал литературные и общественные взгляды Антона Павловича, отнесся к его планам скептически: «До Стэнли далеко». А брат Александр Павлович в связи с предпринимаемым путешествием вообще отказал Антону Павловичу в уме. Да и сам писатель иронично говорил о своем новом замысле. То утверждал, что едет «за пустяками», то откровенно шутил в письме к писательнице М. В. Киселевой: «Осталась ли довольна моим индейским подарком моя будущая супруга, от которой я бегу на Сахалин?» [1].

Но были, конечно, и одобрительные мнения. Так, литературный критик С.Н. Филиппов верил в высокий смысл поездки А.П. Чехова. Благословлял в дорогу и малоизвестный литератор В.А. Тихонов. Но для всех и само путешествие, и его творческие итоги стали настоящей сенсацией.

Не праздное любопытство движет писателем. Желание проникнуть в самую гущу жизни – туда, где страдания народа невыносимы, сделать достоянием широкой демократической общественности всю правду о современной действительности в целом. Таковы некоторые из побудительных мотивов предпринятого им путешествия, в результате которого он один составляет перепись населения каторжного острова, вникает в мельчайшие подробности тяжкого тюремного бытия.

9 марта 1890 г., накануне поездки, Чехов писал А. С. Суворину: «Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и всё это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно» [2]. Протест против равнодушного попрания человеческих прав, стремление «возбудить интерес в обществе» к вопиющим фактам антигуманизма, правительственного произвола, желание оказать реальную помощь ссыльным – так понимал А. П. Чехов свою миссию писателя и гражданина.

По письмам, воспоминаниям современников можно судить о том, какое громадное значение придавал писатель своей поездке. Подготовка к ней заняла много времени: он изучал материалы о географии, климате, истории освоения и колонизации острова, юридические источники. М. П. Чехов вспоминает, что брат внимательно перечитывал его лекции по праву и говорил: «Всё наше внимание к преступнику сосредоточено на

Савченко Валентина Васильевна – Воронежский институт высоких технологий, старший преподаватель, vale7@bk.ru.

нѐм только до момента произнесения над ним приговора; а как сошлют его на каторгу, так о нѐм все и позабудут» [2]. Чеховский гуманизм, лежащее в основе его творчества стремление к возвышению личности, вера в ее огромные потенциальные возможности заставляли писателя воевать главным образом против пожизненности наказаний, в которых он видел «причину всех зол, и против законов о ссыльных, которые страшно устарели» [3].

О значении поездки Чехов писал А. С. Суворину уже по возвращении – в 1891 г.: «Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни..., а эта жизнь в четырёх стенах без природы, без людей, без отечества... – это не жизнь...» [2].

Стремление к полнокровной жизни, личному активному участию в ней помогло Чехову мужественно перенести все тяготы и опасности путешествия, которые в конечном итоге отрицательно сказались на состоянии его здоровья. По воспоминаниям М. П. Чехова, «его ожидали впереди «страшный холодище» днѐм и ночью, необыкновенное разлитие рек, борьба «не на жизнь, а на смерть» с препятствиями, полное отсутствие еды по дороге... а затем – глубокая грязь, в которой он «не ехал, а полоскался», и далее – жара, пыль и удушливый дым от громадных лесных пожаров. Другой на его месте давно бы простудился на смерть и слѐг бы в каком-нибудь попутном сибирском городишке».

Чехов выехал на Сахалин 21 апреля 1890 г. 10 июля он прибыл на остров. Здесь началась для него новая полоса жизни и работы. Ежедневно поднимаясь в 5 утра, А. П. Чехов вел перепись населения, посещал тюрьмы, вникал в мельчайшие проблемы жизненного устройства острова. В итоге – около десяти тысяч карточек, содержащих сведения о ссыльных, и глубокое знание сути проблемы каторги, спроецированное на состояние общества в целом.

Возвратившись назад, Антон Павлович очень торопился написать книгу, которая бы всесторонне и правдиво осветила сахалинскую действительность, вступила в скрытую и прямую полемику с официальным освещением каторги. Писатель напряженно работал.

Основу сюжетно-композиционного единства цикла очерков «Остров Сахалин» составляют записки исследователя: и как

особый авторский угол зрения, в соответствии с которым подбирается и компонуется материал; и как многозначный образ – символ, создающийся совокупным развитием многочисленных сквозных тем, образов и мотивов, благодаря внутренней созвучности настроений, форм и красок очерков. В «Острове Сахалине» внутренне сцеплены сюжетом путешествующего исследователя сменяющиеся эпизоды из жизни каторжного острова, его обитателей, истории, переплетение судеб, цифр и фактов. Начинается путешествие с описания чувств человека, прибывшего на крайнюю точку континента, «отрывающегося» от своей земли для «легкомысленной» цели. Такое традиционное начало путевых очерков должно настраивать на спокойный лад, но слова «каторга», «колония», «суровый край», «гиляки», «солдаты» и др. вносят интонации тревоги, настаивают с первых страниц знакомства с книгой о далеком, чужом крае.

Книга «Остров Сахалин» (1891-1894) занимает особое место в ряду чеховской художественной прозы. В ней автор как личность и как художник предстает по-новому. Необычность фактического материала, широта охвата действительности, многопроблемность требовали соответствующей формы. Чехов обратился к жанру документального путешествия и создал художественно-документальную книгу (литературоведы до сих пор спорят о жанре «Острова Сахалина», относя книгу то к научно-публицистическому исследованию, то к циклу очерков).

Построенная на научной основе книга не превращается в сухой научный отчет. Она воздействует на читателя эмоционально, именно как произведение художественно-документальное. В чем же секрет такого воздействия?

Ответ скрывается в особенностях манеры чеховского письма. Все главы книги организованы авторской речью. Чехов не прячется под маской повествователя.

Перед нами писатель и путешественник, журналист и врач, ученый, художник и философ. Как и в его новеллистике, в книге сохраняется принцип отсутствия всяческой дидактики, нравоучения. Читатель сам должен прийти к нужным выводам. Рассуждения автора о различных проблемах ссылки, каторги, о ее социальных и нравственно-психологических аспектах раскрывают замысел Чехова – вступить в открытую полемику с традиционным официальным осве-

щением тюрьмы и каторги. Эту цель преследуют и скрытые оценки, тщательно замаскированные в речевом строе, подтексте и общей стилистической системе произведения. В спокойном как будто повествовании часто заключено авторское резкое неприятие, негодование: «Исследователи, когда отправляются в глубь острова, в тайгу, то берут с собой американские консервы, красное вино, тарелки, вилки, подушки и всё, что только можно взвалить на плечи каторжным, заменяющим на Сахалине вьючных животных» [1]. Иногда оценки действительности передаются с помощью расположения фактов по нарастающей силе эмоционального воздействия. В описании тяжелой солдатской службы голос автора звучит будто бы нейтрально, но его позиция выражена довольно четко: солдаты не успевали научиться военному делу, жили в помещениях, подобных тюрьмам, работали наравне с арестантами, и, наконец, «сами были приняты за беглых, и по ним стреляли».

Чехов постепенно развенчивает миф о «красноносых смотрителях», якобы виновных во всех жестокостях и непорядках на каторге. Перед нами проходит цепь новоявленных чиновников: «теперь для русской каторги молодой чиновник более типичен, чем старый» и место «прежнего капитана-пропойцы, старика с сине-багровым носом» занимает «интеллигентный молодой человек в новеньком вицмундире».

Чехов-публицист неотделим в «Острове Сахалине» от Чехова-художника. Позиция писателя, его отношение к изображаемому и эмоциональный настрой находят свое выражение и в подтексте. Симпатия, тонкий лиризм и грустный юмор сквозят в зарисовке голодной избы поселенца. Здесь «около бабы-хозяйки плакали дети и пищали цыплята; она на улицу - дети и цыплята за ней. Она, глядя на них, смеется и плачет, и извиняется передо мной за плач и писк; говорит, что это с голоду... рубит капустные листья и дает цыплятам, те с жадностью бросаются и, обманутые, поднимают еще больший писк». Роль подтекста сильна и в других сценах, например, телесного наказания, где без прямых оценок и высказываний лишь во внешних штрихах, жестах передано внутреннее состояние наказуемых, экзекуторов и самого автора.

В книге «Остров Сахалин» документы, факты соседствуют с сильной лирической стихией авторского самовыражения. А. П. Чехов раскрывается перед нами и как

художник, и как личность - богатая, духовно одаренная, обладающая своеобразным даром поэтического мировосприятия. Именно таков Чехов, размышляющий о жизни, человеке и мироздании на берегу Тихого океана: «Море на вид холодное, мутное, ревет, и высокие седые волны бьются о песок, как бы желая сказать в отчаянии: «Боже, зачем ты нас создал?»... а кругом ни одной живой души... и кажется непонятым, для кого здесь режут волны, кто их слушает здесь по ночам, что им нужно и наконец, для кого они будут реветь, когда я уйду. Тут, на берегу, овладевают не мысли, а именно думы; жутко и в то же время хочется без конца стоять, смотреть на однообразное движение волн и слушать их грозный рёв» [1].

Чехов не приукрашивает действительность и понимает, что она вовсе не способствует нравственному совершенствованию человека. Поэтому средний житель Сахалина (поселенец, каторжный) – чаще серый, забитый, неразвитый, порочный человек, который иногда не помнит даже, совершал он преступление или нет.

Несмотря на разнообразие и обилие приводимых фактов, зарисовок, сцен из сахалинской жизни, перед читателем все же складывается обобщенная объективная картина сахалинского «ада». Типичное создается, по определению И. Н. Сухих, как «образсуммирование», путем «накопления однородных фактов («анекдотов»), выстраивания их в сложно соотносящиеся, композиционно перекликающиеся лейтмотивные ряды» [5]. В этом проявилось новаторство писателя.

Через выстроенный ряд отдельных фактов, позволяющий в обычном увидеть главное, в ежедневном, бытовом найти черты общечеловеческого бытия, Чехов приходит к выводу о нравственной опустошенности сахалинской жизни: «...скучно и трудно живётся внизу. Каторжные и поселенцы изо дня в день несут наказания, а свободные от утра до вечера говорят только о том, кого драли, кто бежал, кого поймали и будут драть...» Мотив скуки, безысходности, изломанных судеб, каторги как крепостничества – один из основных в книге.

Однако принципы чеховской демократической эстетики позволяют в самых пропащих людях выявить лучшие, светлые стороны – тоску по родине, свободе, заставляющую каторжного бежать хоть на три дня, хоть на день (старик Алтухов). Наряду с многочисленными сценами жестокости, нравственного и физического унижения че-

ловеческого достоинства Чехов рисует картины светлые: свадьбы поселенцев, венчание в церкви, случаи подлинной верности, самопожертвования (каторжный, как сиделка, ухаживающий за больной сумасшедшей женой; трагическая история сахалинской любви Вукола Попова).

Писательская мечта о прекрасном человеке находит реальное основание, материализуется в изображении реальных людей. Целая галерея подвижников, посвятивших жизнь преобразованию сахалинской действительности, проходит перед нами. Среди них – ученые-географы, исследователи острова, работавшие здесь в прошлом, и современники Чехова: врачи, учителя, чиновники, военные. «Хорошие люди и хорошие дела уже не составляют редкости...» – отмечает писатель [1]. В изображении светлых сторон бытия, как и в правдивом изображении ужасов каторжного острова, выражается гуманистическая концепция мира писателя. Отсюда и его способность понять нюансы человеческой души, принять точку зрения ссыльного, каторжного, встать на его место: «Будь я каторжным, то бежал бы отсюда не смотря ни на что...» Благодаря этой способности усиливается объективность изображения действительности.

Чехов удивительно плавно и быстро делает переход от собственных мыслей, собственного эмоционального настроения к мыслям и состоянию ссыльного: «Я долго стоял и смотрел то на небо, то на избы, и мне казалось каким-то чудом, что я нахожусь за десять тысяч вёрст от дому, где-то в Палеве, в этом конце света, где не помнят дней недели, да и едва ли нужно помнить, так как здесь решительно всё равно – среда сегодня или четверг...»

Объективная картина действительности воссоздается и при помощи слуховых образов. Солдат поет веселую песню, но «с такою скукой, что под звуки его голоса начинаешь тосковать по родине и чувствовать всю неприглядность сахалинской природы».

Единичная деталь в повествовании выполняет различные функции. Вот сытая кошка прогуливается между нарами с голодными арестантами; заключенные и их охранники крепко спят, прижавшись друг к другу, покрытые росой на палубе корабля, чтобы, проснувшись, снова стать врагами (прием контраста). Река Дуйка, украшенная фонарями с огнями, красива и величественна, но смешна, «как кухаркина дочь, на которую для примерки надели барышнину

платье» (сравнение). Избе поселенца, в которой есть все, недостает прошлого, традиций: «нет деда и бабки, нет старых образов... красного угла... нет кошки, по зимним вечерам не бывает слышно сверчка», – целый ряд однородных деталей, перечисленных по признаку отсутствия, позволяет сделать главный вывод: «нет родины». Как в кривом зеркале, отражается сахалинская действительность в бытовом сознании поселенца: смиренные собаки у него на привязи, «если есть свинья, то с колодкой на шее. Петух тоже привязан за ногу» (точность характеристики).

Поездка на каторжный остров и работа над художественно-документальной книгой о нем во многом изменили писателя, его взгляды на жизнь. 17 декабря 1890 г. Чехов шуточно писал А. С. Суворину: «Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошёл – чёрт меня знает». Правда жизни, ее суть в наиболее неприкрашенном виде представшая перед писателем, заставила его выработать новый критический взгляд на общественные проблемы – уточнялось... основное положение чеховской этики – само понятие о справедливости... пересмотру подлежало само представление о личной нравственности, её содержании и масштабах» [4].

Новый взгляд на мир сквозит и в письме к А. С. Суворину от 9 декабря 1890 г.: «Хорош божий свет. Одно только нехорошо: мы. Как мало в нас справедливости... как дурно понимаем мы патриотизм!.. Работать надо... Главное – надо быть справедливым, а остальное всё приложится» [2].

Новое, глубокое понимание социального бытия реализуется во внутренне подготовленных сахалинскими впечатлениями рассказах «Гусев», «Бабы», «Палата № 6» «Страх», которые составляют своеобразный цикл, объединенный общей темой нравственных страданий человека, задавленного пошлостью и беспорядком, царящими в современном писателю обществе.

Книга «Остров Сахалин» явилась мощным толчком, повлиявшим не только на развитие творчества самого художника, но и пробудившим демократическую общественность, привлекая внимание к проблемам каторги, ставила вопрос о необходимости преобразования социальных отношений. После ее публикации в 1894 году была назначена специальная комиссия, которая побывала на острове и многое там изменила. Положение там было признано неудовлетворительным,

были отменены казни, наказания женщин, положение каторжан несколько улучшилось.

Нравственно-этический пафос произведения остается актуальным и в наши дни, когда происходят серьезные сдвиги в духовном сознании современного человека и гуманизации общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Т. 14-15. Из Сибири.

Остров Сахалин. (1890-1995). – М.: Наука, 1987.

2. Чехов А. П. Письма: В 10 т. – М., 1976. – Т. 4. – С. 32.

3. Чехов М. П. Антон Чехов и его сюжеты. — М., 1923. – С. 69.

4. Бердников Г. Чехов. – М., 1974. – С. 250.

5. Сухих Ц. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. – Л., 1987. – С. 95.

«SAKHALIN ISLAND» IN THE CREATIVE FATE OF A.P. CHEKHOV

© 2019 V. V. Savchenko

Voronezh Institute of High Technologies (Voronezh, Russia)

The article analyzes the unique work of A. P. Chekhov “Sakhalin Island”: the purpose and reasons for the writer’s trip to Sakhalin, problems, ideological and compositional originality and artistic features. Attention is drawn to the special Chekhov humanism that underlies his work, and the role that the book played in the fate of the writer and society.

Keywords: Sakhalin island, travel, penal servitude, exile, prison, Chekhov humanism.